

Рон Уизли уставился на лестничный пролет, по которому только что поднялись оба его лучших друга, и покачал головой, словно пытаясь понять, что только что произошло. Несмотря на то, что патронус-выдра Гарри исчез всего несколько мгновений назад, у него остались лишь смутные воспоминания о том, что произошло на самом деле. Он помнил потрясение на лицах всех присутствующих и знал, что его собственные черты должны отражать такое же изумление.

Он закрыл глаза, его дыхание перехватило от чистого блеска Патронуса Гарри. Его друг всегда был очень искусным в использовании этого конкретного заклинания, но выдра, которую он только что создал, была просто поразительной своей яркостью и формой. Оно выглядело таким реальным, что он был уверен, что если бы он потянулся к нему, его пальцы наткнулись бы на что-то твердое; что-то физическое. Это было просто завораживающе.

Но это чувство быстро прошло, когда Гарри пробормотал тихое извинение, прежде чем повернуться и направиться вверх по лестнице. Гермиона быстро последовала его примеру, но прежде чем она тоже ушла, он заметил, что выражение ее лица изменилось с благоговения на выражение радости. Он пытался понять, что это значит, когда Билл наконец нарушил молчание.

'Кровавый ад! Ты это видел?' — воскликнул Билл, прежде чем повернуться к своему младшему брату. «Это было невероятно! Теперь нет сомнений в чувствах Гарри к Гермионе, — добавил он.

'Какая?'

— Я сказал, что не может быть никаких сомнений в чувствах Гарри к Гермионе после того, как он увидел этого Патронуса. Билл посмотрел на Рона, как на маленького ребенка. «Понятно, что он очень любит ее», — добавил он. Он посмотрел на Рона с печальным выражением лица. — А вы видели реакцию Гермионы? Я не думаю, что у тебя когда-либо был шанс, Рон. Нет, если только ты не относишься к ней так же, как и она к тебе, — тихо добавил он.

'Какая?' Рон снова захохотал. Ему потребовалось время, чтобы собраться, прежде чем продолжить. — О чем ты говоришь, Билл? При чем здесь Патронус Гарри?

— Его Патронус изменился, Рон! — крикнул Билл. — Разве ты не понимаешь, что это значит? Ты хоть представляешь, насколько глубока эта перемена для Гарри?

По выражению лица брата Билл мог сказать, что он явно не понимает последствий этой перемены. Он вздохнул. — Рон, что ты можешь рассказать мне о природе этого заклинания? — мягко спросил он. «Я знаю, что вы можете вызвать телесного Патронуса, так что вы должны иметь некоторое представление о задействованной магии».

Рон на мгновение закрыл глаза, пытаясь вспомнить свои уроки окружного прокурора на пятом курсе. «Я помню, как Гарри сказал мне, что это работает, только если я изо всех сил сосредоточусь на очень счастливом воспоминании».

Билл кивнул. 'Ага; это хороший способ научить обаянию. Это делает его простым и устраняет большую часть теории, лежащей в основе того, как это на самом деле работает».

— Я думал, это все, что тебе нужно было знать. Это и движение палочки? Гарри сказал, что Люпин научил его этому еще на третьем курсе.

— На самом деле это гораздо больше, — ответил Билл. Он облизал губы, прежде чем продолжить, собираясь с мыслями. «Патронус представляет то, что скрыто внутри нас, Рон. Когда мы сталкиваемся с нечеловеческим злом, таким как дементор, мы должны использовать ресурсы, в которых раньше никогда не нуждались. Патронус — это пробужденное тайное «я», которое бездействует до тех пор, пока не понадобится. Каждый Патронус так же уникален, как и его создатель, и форма, которую он принимает, является показателем того, что действительно заставляет их работать. Ведьма или волшебник, возможно, не смогут скрыть свое истинное «я», когда произносят заклинание. В последнее время Гарри, вероятно, не вспоминает ни об одном воспоминании. Он, наверное, вообще ни о чем не думает. Я подозреваю, что его Патронус теперь такая же часть его, как и его кожа, и он может призывать его по своему желанию. Это питается от его эмоций и... ну; ты видел, какой мощной была эта выдра, Рон. И вы знаете, каков эмоциональный источник этой силы, не так ли?»

Рон кивнул, наконец поняв. — Это Гермиона. Его Патронус движим его чувствами к Гермионе, — прошептал он, и в его тоне была врожденная печаль, когда он понял, что это значит. Это было прозрение для Рона Уизли; момент истины, когда он, наконец, признал, что у него никогда не было шансов против своего лучшего друга, потому что — в глубине души — он знал, что Гермиона чувствовала то же самое по отношению к Гарри. Его самый глубокий страх, раскрытый крестражем, был правдой.

Меньше всего сейчас любит девушка, которая предпочитает твоего друга.

Он инстинктивно знал, что эти слова верны, и должен был признать, что как бы сильно он ни любил Гермиону — даже любил ее по-своему — эти чувства бледнели по сравнению с глубиной чувств, которые Гарри только что продемонстрировал.

Его Патронус только что изменился!

Его размышления были внезапно прерваны звуком шагов на лестнице, и когда он обернулся, чтобы посмотреть, кто это, он увидел Гермиону, вышедшую из дневного света. На ее лице было застенчивое выражение, когда она достигла дна и столкнулась с двумя братьями. Наступила тишина, которая, казалось, длилась вечность, хотя на самом деле длилась всего несколько секунд.

Гарри говорит, что ему жаль, но он сказал, что ему нужно побыть одному. Он вернулся в Хогвартс.

Билл прочистил горло. 'С ним все в порядке?'

'Он в порядке. Он просто сказал, что ему нужно обдумать то, что только что произошло». Она грустно улыбнулась. — Он спросил, Билл, может ли он оставить вывоз того, что нам нужно, отсюда вам. Он сказал, что заплатит вам по текущей ставке, которую вы берете за работу в Гринготтсе.

Я буду рад это сделать, — ответил Билл, — и не возьму ни пенни из его денег. Он мне как член семьи. Я начну. Я так понимаю, я должен отправить вещи в Хогвартс?

'Пожалуйста. Если вы не возражаете, — ответила Гермиона.

'Я не. И Рон тоже. Он может остаться и помочь. Иди и убедись, что с Гарри все в порядке. Должно быть, это было для него чем-то вроде шока. Он улыбнулся, чтобы снять напряжение. — Я знаю, для меня это был шок!

— Я тоже, — ответила Гермиона, и на ее лице появилась мягкая улыбка. — Спасибо, Билл. Ты тоже, Рон, — добавила она, повернувшись к подруге. — Может, поговорим позже?

Рон кивнул; его горло перехватило от эмоций. — Позже, — наконец выдавил он. 'Я увижу тебя позже.'

Гермионе не нужно было повторять дважды, она быстро повернулась и направилась обратно вверх по лестнице. Рон смотрел, как его друг исчезает в свете наверху, и наконец понял, что Гермиона Грейнджер была всем, чем он когда-либо был для него; друг.

К своему удивлению, он нашел утешение в этом факте; осознавая, что ему посчастливилось иметь такого друга в своей жизни.

Два друга, понял он. Мне тоже нужно поговорить с Гарри. Он почувствовал старый приступ обиды и ревности, когда подумал о своем лучшем друге.

Почему у Гарри есть все?

Он стряхнул с себя мысли, зная в глубине души, что они недостойны, и повернулся к брату.

«Да ладно, Билл. Давай приступим к работе.'

Фенрир Сивый уставился на зелье, кипящее в котле перед ним, его внимание было таким же напряженным, как если бы он ждал засады, высматривая свою следующую потенциальную жертву. Он не был экспертом в варке зелий, но у него был некоторый талант, и, что особенно важно, у него также были заметки Северуса Снейпа, которыми он руководствовался.

Несмотря на все его многочисленные недостатки, Северус Снейп, несомненно, был мастером

зельеварения. Его последнее творение, без сомнения, было ошеломляющим, и Фенрир ощутил дрожь удовольствия от осознания того, что величайшее произведение Снейпа никогда не будет ему приписано; что его работа не будет использоваться по назначению.

Много лет назад Темный Лорд поручил Снейпу создать зелье, позволяющее оборотням трансформироваться по своему желанию. Он видел потенциал в том, чтобы иметь армию оборотней на побегушках, а не просто быть доступным в полнолуние. Никто не ожидал, что Снейп преуспеет.

Даже Темный Лорд , размышлял Фенрир.

Но Снейпу это удалось. Когда Темный Лорд потребовал увидеть какой-то прогресс, мастер зелий, наконец, произвел тестовый продукт и предоставил Темному Лорду все свои записи и результаты своих исследований.

«И Темный Лорд все передал мне» , — с удовлетворением подумал Сивый.

Он был поражен, когда зелье подействовало в ночь битвы в Хогвартсе. Несмотря на то, что его войска потерпели поражение, он понял, что со смертью Темного Лорда и смертью Снейпа он теперь обладает истинной властью в Британии. Министерство понятия не имело, что должно было их поразить. Он собирался начать собственную революцию.

Но все зависело от того, добился ли он успеха с этой последней партией пива. В своих заметках Снейп сделал несколько очень интересных наблюдений о том, как можно использовать это зелье для многократного использования.

Возможности были огромные.

Он позаботился о том, чтобы свести все концы с концами, прежде чем приступить к осуществлению своего плана. Он знал, что Снейп был скользким ублюдком, поэтому он посетил его дом после битвы и обыскал его сверху донизу. После долгих поисков он, наконец, нашел потайную дверь, которая была активирована книгой, и, таким образом, смог обыскать весь дом, убедившись, что Снейп не оставил никаких дополнительных доказательств, касающихся его создания.

Я единственный из живых, кто знает, как варить это зелье. И его варианты.

Но его планы были шире. Если бы он правильно следовал записям Снейпа, тогда волшебная Британия подверглась бы величайшей трансформации в своей истории. Ни Волдеморта, ни Гриндевальда, ни любого другого предполагаемого Темного Лорда не запомнят.

Нет. Когда я закончу, имя Фенрира Сивого войдет в историю.

Гарри сидел на одном из красных кожаных диванов, поставленных перед камином в гостиной Гриффиндора. Он смотрел в пустую решетку, размышляя о событиях, произошедших ранее, его внимание было понятно на его новой форме Патронуса и последствиях этого изменения.

Он был слишком ошеломлен, чтобы принять все это, когда впервые увидел выдру, вырвавшуюся из его палочки. Его реакция на предполагаемую угрозу со стороны «дементора» в подвале Снейпа была инстинктивной; он сделал движение палочкой и наложил чары и даже не подумал о конкретном счастливом воспоминании. Так было с этим обаянием уже некоторое время; он был настолько фамилльярен, когда бросал его, что никогда больше не сомневался в своей способности это делать. Он полагал, что именно эта уверенность, эта уверенность позволила ему создать такого грозного телесного Патронуса, не фокусируясь на конкретной мысли.

Он вздохнул, думая о своей реакции сразу же после этого. Он не особенно гордился своим отъездом; в замешательстве он просто хотел побыть один, чтобы переварить то, что только что произошло. Гермиона быстро последовала за ним и, казалось, поняла, когда он попросил ее ненадолго оставить его наедине с самим собой. Он увидел боль в ее глазах, когда попросил немного времени наедине, но он также увидел в них что-то еще: надежду.

Он вернулся в Хогвартс и направился к своему текущему местоположению, и он не мог вспомнить ни одной части своего путешествия. Гермиона вошла в гостиную вскоре после него, но уважала его желание побыть одной. Она просто подошла к нему и мягко сжала его плечо, прежде чем подняться по лестнице в женскую спальню.

Это было больше часа назад, и за это время он почти не шевелился, предпочитая вместо этого позволить своему разуму и чувствам блуждать, успокаиваясь в знакомой обстановке. Выйдя из своих размышлений, он вдруг немного выпрямился на своем месте, узнав приближение знакомого запаха, а также присутствие чего-то еще знакомого ему.

Он взглянул вверх, когда портретное отверстие распахнулось, и в гостиную вошел довольно задумчивый Рон. Хотя изначально он немного опасался разговора, который должен был состояться со своим первым другом, теперь он ощутил непреодолимое чувство спокойствия, зная, что, так или иначе, все, наконец, разрешится. Он молча наблюдал, как Рон подошел к нему и сел в одно из удобных кресел по бокам дивана, на котором он сидел.

Некоторое время они сидели в тишине, но Гарри был счастлив позволить этому затянуться. Наконец Рон нарушил молчание.

— Не знаю, с чего начать, Гарри, — сказал он. «Я чувствую... как будто... как будто между нами есть барьер, и я не знаю, что с этим делать».

— Это Гермиона, — спокойно ответил Гарри.

'Какая?'

— Я сказал, что это Гермиона, — повторил Гарри. Он наклонился вперед, прежде чем продолжить. «Смотри, Рон; нам нет смысла ходить вокруг да около. Это дело между нами; этот «барьер», о котором вы говорите, в основном сводится к тому, как сложились отношения с Гермионой».

— Ты имеешь в виду, с тобой и Гермионой, — тихо ответил Рон, хмурясь при этом.

'Да. Со мной и Гермионой. Он заметил, что Рон нахмурился еще сильнее, и пожал плечами. «Рон, это очень просто. Мы с Гермионой вместе, и будем вместе до тех пор, пока я буду у нее. Если мне действительно повезет, она никогда не поймет, насколько лучше она могла бы играть. Так что, если мы хотим остаться друзьями, тебе придется это принять».

— Итак, ты выиграл? Ты понял девушку?

— Черт возьми, Рон! Это не соревнование. Она не какой-то приз, за который мы должны сражаться! Она великолепна и красива, и нам повезло, что она есть в нашей жизни! Она могла бы иметь кого угодно, если бы у нее хватило уверенности в себе, чтобы соответствовать ее блеску! Он облизал губы и успокоился. — У тебя был шанс, — тихо сказал он.

— Разве, я? Правда? — ответил Рон. «У меня когда-нибудь был шанс с вами на сцене?» Он отвернулся. — Ты сказал мне, что любишь ее, как сестру. Было ли все это ложью?

Гарри покачал головой. 'Нет. Тогда я не думал о ней романтически. Я не позволял себе думать о ней романтически. Со всем, что происходило, я ни о ком так не думал. На самом деле, даже не Джинни. Итак, когда я сказал это вам, я сказал правду. Я любил ее так сильно, но не романтически. Я думаю, что слово «сестра» было самым близким, что я мог подобрать для описания того, как я ее видел, но я думаю, что мало что знаю о таких вещах. У меня никогда не было сестры, — категорично добавил он. Он отвел взгляд, прежде чем продолжить. «Я также очень хорошо знал, что она тебе нравилась романтически, и я полагал, что она смотрела на тебя так же. Так что в этом отношении она была очень закрыта».

— Итак, что изменилось? — спросил Рон.

Гарри снова пожал плечами. «События, Рон. Просто события. То, что произошло, изменило меня. Изменил всех. Наверное, я просто стал немного более эгоистичным».

'И это нормально, не так ли? Ты решил стать эгоистом и трахнуть всех остальных? Включая твоего лучшего друга? — отрезал Рон.

— Не смей! Не смей, черт возьми! Ты ушел от нас, Рон. Ты пытался взять ее с собой! Если бы она бросила и меня, Волдеморт победил бы! Как вы думаете, сколько бы я продержался без нее?

'Я вернулся! Я спас тебе жизнь!

'Да вы сделали. А потом я умер, Рон! Я умер! Это дает вам определенную перспективу, умирая. Заставляет понять, что действительно важно. И что действительно важно для меня, так это Гермиона. Через все; умирая, сражаясь, убивая и становясь чертовым оборотнем, единственной неизменной была она! Я пожертвовал всем, чтобы победить Волдеморта, но я ни за что не хочу отдавать ее. Я никогда не пожертвую ею в своей жизни; ни за что. Конечно не для вас. Единственное, что может помешать мне быть с Гермионой, это Гермиона. Я очень надеюсь, что ты примешь это, Рон. Ты был моим первым другом, и мы через многое прошли вместе. Я знаю, что, возможно, я тоже не всегда был для тебя лучшим другом, но я хочу, чтобы мы остались друзьями, правда. Я хочу, чтобы мы смогли простить друг друга, но я знаю, что это займет время. Я готов попробовать. Ты?'

Гарри долго и пристально смотрел на Рона после того, как он сказал это, и увидел противоречивые эмоции на лице своего первого друга. Было ясно, что Рон боролся со своим гневом; против его желания наброситься, поэтому Гарри решил посидеть в тишине и позволить ему разобраться во всем. После долгого молчания Рон наконец заговорил.

— Она сделала мне больно, Гарри. Так и ты, — мягко сказал он. — Я знаю, что ни один из вас не хотел этого, но мне все равно было больно. Она мне очень, очень понравилась. Если честно, я до сих пор это делаю.

— Рон... — начал Гарри.

'Замолчи, Гарри. Вы сказали свое слово. Теперь моя очередь. Он помедлил, прежде чем продолжить. — Я знаю, что не всегда был для тебя лучшим другом. И временами я был просто ужасен с Гермионой. Не знаю почему; как бы она ни значила для меня, я знаю, что временами действительно нажимал на ее кнопки. И как бы мне ни было больно это говорить, она заслуживает самого лучшего в жизни, и это не я». Говоря, он смотрел прямо на Гарри. 'Это ты.' Он вздохнул и внезапно встал, застигнув Гарри врасплох.

— Я готов попробовать еще раз, если вы согласны. Он протянул руку. — Ты и Гермиона — лучшее, что со мной случалось, Гарри. Я знаю, что могу быть идиотом, но я не настолько глуп, чтобы этого не знать.

Рон подождал, пока Гарри встанет и сжал его руку, прежде чем крепко сжать ее и притянуть друга ближе. — Я также знаю, как ты к ней относишься, ведь раньше ты видел своего Патронуса. Он сделал паузу, глядя прямо в глаза Гарри. — Я также знаю, что ты и самый важный человек в ее жизни, счастливый ублюдок, так что не проваливай. Он пожал плечами, ослабляя хватку. Однажды Парвати объяснила мне концепцию кармы. Может быть, Гермиона — это награда за все то дерьмо, с которым тебе пришлось столкнуться?

— Тогда оно того стоило, — прошептал Гарри в ответ. «Я бы прошел через все это снова, просто чтобы она была в безопасности и была счастлива».

Рон растерянно покачал головой. «Психическое. Абсолютно психически. Неудивительно, что вы двое подходите друг другу, — добавил он с улыбкой. «Я сейчас пойду; нужно проработать несколько вещей. Мы в порядке?» он спросил.

— Будем, — ответил Гарри.

Рон кивнул в знак согласия, прежде чем повернуться и уйти через отверстие в портрете. Гарри подождал, пока она не закрылась за его другом, прежде чем глубоко вздохнуть.

'Ничего страшного. Теперь можете выходить, — обратился он к комнате.

Он подождал несколько мгновений, прежде чем повернуться лицом к лестнице в женскую спальню, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Гермиона появилась в арке со слезящимися глазами, но с улыбкой на лице, от которой у него перехватило дыхание.

— Я чувствовал тебя. Я так понимаю, вы все слышали? — спросил он, когда она подошла.

В ответ Гермиона просто пересекла пространство между ними и обняла его, прижимая к себе крепче, чем он когда-либо прежде.

— Я имел в виду каждое слово, — прошептал Гарри ей на ухо. — Ты для меня все, Гермиона.

— Ты умер, — прошептала она в ответ. «Как бы безумно это ни звучало, после всего, что произошло, я позволил себе забыть об этом. Ты умер, — повторила она, прежде чем оторвать голову от его плеча и заглянуть ему в глаза.

— Я люблю тебя, Гарри, — прошептала она.

То, что Гарри почувствовал в груди при этих словах, было не похоже ни на что, с чем он когда-либо сталкивался раньше. Не первый всплеск магии; ни его первая поездка на метле, ни его первоначальный экстаз от победы над Волдемортом не были близки к волне радости, наполнившей его при этих словах. Он чувствовал, как слезы текут по его лицу, но ему было все равно. Он искал безопасную гавань всю свою жизнь, и теперь, стоя с Гермионой на руках, он понял, что наконец-то добрался до дома.

— Я тоже тебя люблю, — ответил он, заключая ее в крепкие объятия. «Я думаю, что моя магия знала задолго до меня. Думаю, это было продемонстрировано ранее с моим Патронусом».

— Ты в порядке? — осторожно спросила она. — Сначала ты казался расстроенным.

Он отпустил ее и вытер глаза, прежде чем взять ее за руку и подвести к дивану перед огнем, сел и посадил ее к себе на колени. Она обняла его за шею и посмотрела ему прямо в глаза, на

ее лице отразилось любопытство.

«Сначала я расстроился. Не на тебя! — поспешно добавил он. Он выждал несколько мгновений, прежде чем продолжить. «Пронгс был связующим звеном с моим отцом. Каждый раз, когда я произносил это заклинание, оно напоминало мне о нем, и я думаю... — он сделал паузу, не в силах продолжать.

— Что думаешь, Гарри? — тихо спросила Гермиона.

«Это прозвучит глупо, но всякий раз, когда появлялись Зубцы, я почему-то думал, что там тоже есть частичка моего отца. Сначала я был расстроен, потому что Пронгс ушел; меня заменили, и так... мой папа тоже ушел. Имеет ли это смысл?»

«В этом есть смысл», — ответила она и изо всех сил сдерживала свои эмоции. Она хотела ответить, но Гарри снова заговорил.

«Но теперь у меня было время, чтобы это осозналось, и я рад, что все изменилось. Мой папа всегда будет моим папой, и я всегда буду любить его и свою маму. Но я их не знаю. Я никогда их не знал. Я люблю их, потому что должен; потому что они мои родители. В этот момент он посмотрел ей прямо в глаза и облизнул губы.

— Я выбираю любить тебя, Гермиона. Ты моя жизнь. Ты для меня все, и мой новый Патронус говорит об этом миру. Я... я рад, что все изменилось, — повторил он. 'Я тебя люблю. Я всегда буду любить тебя и буду твоей так, как ты захочешь».

Гермиона ответила не сразу; вместо этого она наклонилась и прижалась губами к его. Через несколько мгновений она немного отстранилась.

— Я хочу, чтобы ты был таким, какой ты есть, Гарри. Никогда не меняйся, — мягко добавила она, прежде чем снова коснуться его губ своими.

Джинни Уизли сидела за кухонным столом в своем доме и держала в руках чашку чая. Прошло три недели с той роковой ночи, когда Гарри превратился в оборотня. Три недели с тех пор, как профессор МакГонагалл содрала с нее полоски за ее дурацкую выходку, имевшую неприятные последствия с такими ужасными последствиями. И за эти три недели она оказалась изолированной от своих друзей и от Гарри.

Гарри.

Она все еще не могла смириться с тем, что между ними все кончено, несмотря на то, что он настаивал на том, что они никогда не будут парой. Он просто не понимал, как все должно быть, и теперь, когда он стал оборотнем, ему понадобится поддержка хорошей жены и надежной волшебной семьи, чтобы помочь ему справиться с предстоящими проблемами.

Она закрыла глаза, вспоминая события при полной луне. Она всего лишь пыталась помочь Рону и Гермионе снова сойтись. Это не ее вина, что никто не удосужился сказать ей, что Гермиона оборотень!

Глупая сука! Как она могла так поступить с Гарри? Как она могла проклясть его таким образом?

Ее губы сжались, когда она подумала о Гермионе. Она всегда считала ее самой большой угрозой для них с Гарри. Она не сомневалась, что у Гермионы и Гарри всегда был потенциал стать парой, если кто-то из них был достаточно умен, чтобы реализовать это.

Хорошо, что они оба такие глупые, когда дело доходит до любви, когда они такие умные во всем остальном.

Но теперь она остро осознала тот факт, что теперь и Гермиона, и Гарри прокляты ликантропией, их можно сблизить еще больше, если это вообще возможно.

Она не считала ликантропию Гарри препятствием для того, чтобы он стал ее будущим мужем. Она знала от Ремуса Люпина и из личного опыта своего старшего брата, что для проклятых возможна хорошая жизнь, наполненная любовью. Она также знала, что со всей властью, деньгами и влиянием Гарри сможет вести жизнь, которую можно считать почти нормальной. Она все равно возьмет его, несмотря на его недуг, и позаботится о том, чтобы это осталось в тайне.

Я готов пойти на эту жертву. Я хочу выйти замуж за оборотня.

Так что как никогда важно, чтобы Рон уладил отношения с Гермионой. Последние три недели она почти не видела его; все, что она знала, это то, что у них с Гермионой была очередная размолвка и что ее брат оказался слишком упрямым и слишком глупым, чтобы во всем разобраться. Она слышала, как ее мать говорила, что они разорвали отношения, и действительно запаниковала от этой новости, пока не вспомнила, что Рон и Гермиона постоянно ссорятся. Вероятно, это была еще одна из тех битв, которые в конце концов закончились.

Но ей действительно нужно было поговорить с Роном. Суровое слово, прежде чем он все испортил.

Словно судьба прислушивалась к ее мыслям, камин ворвался в жизнь, и Рон вышел из зеленого пламени, отряхнувшись, завершая свое путешествие по камину из Хогвартса. Он коротко кивнул ей и направился к лестнице. Джинни воспользовалась своим шансом.

— Рон, у тебя есть минутка? Нам нужно поговорить.'

Она наблюдала, как он несколько мгновений рассматривал ее, прежде чем ответить. 'О чем?'

— О нескольких вещах... о наших друзьях.

Ей не понравилось ни циничное выражение лица брата, ни то, что он закатил глаза по ее просьбе. Но он подошел к столу и сел напротив нее.

— А как насчет наших друзей? — спросил он без предисловия.

— Ну... мне просто интересно, как обстоят дела между тобой и Гермионой? Вы двое все еще ссоритесь?

'Нет.'

Она расслабилась и широко улыбнулась. 'Замечательно! Так ты наконец-то разобрался, что заставляет тебя драться?'

— Да, — ответил он, кивнув, и она почувствовала прилив облегчения и волнения. Спешка, которая была мертва, когда Рон продолжил.

«Мы больше не пара и не ссорились с тех пор, как расстались. Мы оба наконец осознали, что быть парой было одной из причин, из-за которой мы ссорились. Конечно, первой поняла Гермиона, но в конце концов я понял, что она была права.

Сердце Джинни остановилось в груди. 'Ты серьезно?' наконец ей удалось. — Вы с Гермионой созданы друг для друга! Тебе нужно отправиться в Хогвартс и вернуть ее!

'Нет. Я не могу. Она не моя, — сказал он тихо. Он отвел взгляд, прежде чем продолжить. «Она была создана для кого-то другого».

— Гарри, — сказала она ровным голосом, и ей показалось, что в ее животе материализовался свинцовый шар.

Он кивнул. 'Гарри.'

— Они вместе? — спросила она тихим голосом.

'Да.'

Джинни почувствовала внезапный прилив гнева. — И ты просто собираешься принять это? Смириться с тем, что твои так называемые друзья предали тебя? — отрезала она.

К ее удивлению, Рон только вздохнул. — Они не предавали меня, Джинни. Они не приближались друг к другу, пока мы с Гермионой не расстались. Он посмотрел прямо на нее. — Гарри любит ее, Джинни. Действительно любит ее. Его Патронус изменился, черт возьми!

— Патронус?

'Да! Патронус Гарри теперь выдра. Ты яркая девушка. Вы знаете что это значит!

К сожалению, она знала, что это значит. Она точно знала, что это значит.

— А Гермиона? Что она чувствует к Гарри? — осторожно спросила она.

'Что вы думаете?' - возразил Рон.

Она кивнула, пытаясь сдержать слезы, которые вот-вот вырвутся наружу. 'Она любит его.'

— Да, — ответил Рон, прежде чем подняться со своего места. Он положил руку на плечо сестры и мягко сжал его. — Прости, — тихо добавил он, прежде чем отправиться к лестнице.

Джинни услышала, как он ушел, и почувствовала, как в ней поднимается гнев.

Эта сучка может и любит Гарри, но он ни за что не предпочтет ее мне!

Ее глаза сузились, когда она начала обдумывать свои варианты. Ей нужен был план.

Это еще не конец. Отнюдь не.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539908>